

УДК 130.2: 141.412

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.2.066

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ТРАДИЦИИ ПРАВОСЛАВИЯ И ИСЛАМА В РУССКОМ ПОВОЛЖЬЕ XVI–XVII ВВ.

С.И. Сулимов

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж

В работе рассматривается специфика русского проникновения в Среднее и Нижнее Поволжье в XVI–XVII вв., сопровождаемого попытками христианизации региона. Местные народы исповедовали политеизм и ислам, и каждая из этих религий взаимодействовала с православием оригинальным способом. Автор акцентирует внимание именно на духовных особенностях русского освоения Поволжья и межкультурных контактах христиан с мусульманами, но признаёт, что европейская цивилизация в лице Испании также имеет опыт подобного взаимодействия.

Ключевые слова: межкультурные взаимодействия, экспансия, прозелитизм, христианство, ислам.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что межкультурный диалог ислама и христианства, начавшись в Средние века, не завершился по сей день, и не все его особенности изучены достаточно полно. В частности, есть мнение, что при встрече мусульманского и христианского обществ христиане неизбежно отступают или подвергаются исламизации. История Средних веков действительно содержит немало прецедентов, когда мусульманские вторжения в земли иноверцев приводили к исламизации обширных регионов. Это и арабские завоевания Средней Азии, Северной Африки и Северо-Западной Индии, и тюркское вторжение в Малую Азию, и османская аннексия Албании; во всех этих случаях захватчики хоть и не смогли сохранить политический контроль над побеждёнными, но прочно навязали им свои религиозные воззрения. Однако в Средние века имели место и обратные случаи, когда христиане устанавливали на мусульманских территориях собственное духовно-политическое господство. Это делалось не всегда последовательно, однако результаты таких межкультурных взаимодействий сохранились до наших дней, и при самом поверхностном их обзоре наиболее отчётливо прослеживаются два прецедента: Реконкиста Пиренейского полуострова, окончившаяся созданием католического королевства Испании, и русская экспансия в Среднем и Нижнем Поволжье, приведшая к прочному вхождению этого региона в состав православного Русского царства. И если Пиренейский полуостров до арабского завоевания в VIII в. хотя бы номинально считался христианским, то Среднее и Нижнее Поволжье до установления там русской власти в XVI в. не населяли славяне, а

© Сулимов С.И., 2025

деятельность католической и православной миссий в этих землях была пересечена после принятия татарами ислама в XIV в. Поэтому инкорпорация Поволжья в состав России и христианизация этого края кажутся нам более масштабным достижением, чем «изгнание» мусульман из Испании. В данной работе мы предпримем попытку выявить специфические черты русской духовной и политической экспансии в Среднем и Нижнем Поволжье вскоре после захвата этого края в середине XVI в. К похожему испанскому опыту мы будем обращаться лишь в тех случаях, когда потребуется подчеркнуть различия между русским и западноевропейским подходами к процессу межкультурного взаимодействия.

Целью работы является выявление специфики русской духовной и политической экспансии в Среднем и Нижнем Поволжье на протяжении позднего Средневековья (XVI–XVII вв.). Достижение этой цели предполагает решение следующих задач:

- установить духовные и политические особенности участников данного межкультурного взаимодействия;
- выявить декларируемые и реально достигнутые цели русской экспансии в рассматриваемом регионе;
- обнаружить разницу между установившимися межкультурными отношениями в Среднем и Нижнем Поволжье.

Методологической основой работы служат труды советских и российских авторов. Советская историческая наука тщательно изучала классовые отношения народов Поволжья и поэтому располагала большим количеством фактов, хотя и оценивала их не совсем так, как требует цель нашей статьи.

Теоретической базой исследования являются работы таких советских и современных авторов, как И.В. Зайцев, Б.Д. Греков, Д.М. Макаров, М.А. Кирокосьян, С.А. Романова и Д.М. Исхаков. Чтобы оценить значение, которое придавали современники захвату Казани царём Иваном IV, мы обратились к фундаментальному труду дореволюционного историка С.М. Соловьёва, а характеристику духовного климата Астрахани начала XVIII в. изучали с опорой на исследование современного британского автора Дж. Хартли.

Аналогии между христианской духовной экспансией в её русской и испанской разновидностях в данной статье возможны благодаря знакомству с развёрнутым и подробным сочинением испанского историка Р. Альтамиры-и-Кривеа.

Практическая значимость данной работы обусловлена тем, что диалог между христианством и исламом в современной России не окончен. Только ознакомившись с его особенностями в прошлом, можно будет предлагать какие-либо рекомендации в настоящем.

Соседство русского православия с татарским исламом в Средние века

Соседские отношения русских с татарами в XIII–XIV вв. прошли через два этапа. На первом этапе русские воспринимали пришельцев так же, как любых других евразийских кочевников, т. е. как опасного, вероломного, но в принципе поддающегося влиянию соседа. Именно поэтому русская Церковь предпринимала пусть робкие, но всё же целенаправленные попытки миссионерской деятельности. Например, в золотоордынском городе Сарай с согласия хана была учреждена православная епархия. Зато после того, как религиозная политика ханов Берке и Узбека привела к исламизации Орды, между русскими княжествами и татарами наметился антагонизм. Отечественный исследователь И.В. Зайцев справедливо отметил, что если не обращать внимания на культурные особенности кочевников русские, веками граничившие с Великой степью, ещё могли, то не замечать религиозную разницу в Средние века не смог бы ни один правитель [4, с. 188–189]. В начале XVI в. на несовместимости ислама и христианства настаивал очень уважаемый в Москве церковный писатель преподобный Максим Грек, считавший мусульманское уважение к Евангелию фальшивым: «Ельма священную книгу еугельскую зело прехваляешь, чесо ради не повелеваеши твоим стаинником крещатися въ имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, по заповеди Иисуса Христа, ижу надо всеми Бога, глаголющего Еуагелием, еже по матфеи, к своим учеником: «Шедше въ миръ весь, научите вся языки, крестяще их въ имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам» [8, с. 104]. Однако противостояние между русским христианством и татарским исламом носило скорее формальный, чем реальный характер и на международных отношениях практически не отражалось. Во-первых, исламизация, предпринятая ханом Узбеком, всерьёз затронула только аристократию Золотой Орды и производных от неё ханств, а большинство кочевников и перешедших к оседлому земледелию татар восприняли её лишь внешним образом, сохранив прежние шаманские верования. В Казани и Хаджи-Тархане (ныне – Астрахань) существовали не только мечети, но и мусульманские учебные заведения, была в ходу литература на арабском языке, через Хаджи-Тархан даже осуществляли хадж среднеазиатские паломники, но вне городов ислам не оказывал серьёзного влияния на народный образ жизни [2, с. 127]. Во-вторых, в ходе дипломатических и военных контактов русские и татары постоянно взаимодействовали друг с другом: например, некоторые татарские мурзы служили московскому князю, не переставая при этом быть мусульманами. Поэтому термин «неверные» так и не наполнился реальным содержанием и тем более не стал политическим фактором.

Необходимо отметить, что конфликты Москвы с тем или иным ханством до середины XVI в. не воспринимались правителями-мусульманами как угроза со стороны иноверцев. Так, победоносный поход Ивана III на Казань, завершившийся взятием города и воцарением на местном престоле

русского ставленника Мухаммеда-Эмина в 1487 г., вызвал горячее одобрение крымского хана Менгли-Гирея, которому Мухаммед-Эмин приходился пасынком. Точно так же переворот, случившийся в Казани в 1521 г., и признание ханом Сахиб-Гиреем себя вассалом османского султана не привели к изменению баланса сил в регионе: крымский хан и турецкий падишах, вероятно, считали московское княжество одним из наследников Золотой Орды и не препятствовали одному наследнику враждовать или мириться с другим [7, с. 6–7]. Сами по себе конфликты русских с татарами или князей с ханами не воспринимались как борьба за веру ни одной из сторон, и даже османский султан, с 1517 г. считавшийся халифом, т. е. духовным главой мусульман-суннитов, вовсе не собирался реально вмешиваться в поволжские дела из-за таких «мелочей».

Политическая интеграция мусульманского Поволжья в Русское царство

Описанный порядок отношений сохранялся до середины XVI в., когда Иван IV Грозный, венчавшись на царство в 1547 г., приступил к созданию абсолютной монархии имперского типа. Идейными сторонниками ликвидации мусульманских государств Поволжья показали себя московский публицист Иван Пересветов и митрополит Макарий, участвовавший в христианизации туземцев Карелии и считавший, что в стране должна быть лишь одна религия. Однако подобного опыта в Средние века не было не только у великого князя московского, но и практически ни у кого из европейских правителей, исключая королей Арагона и Кастилии. Административного и правового механизма для инкорпорирования этнически чуждого иноверческого народа в состав христианского государства ещё не существовало, и Ивану IV Грозному пришлось стать новатором. 2 октября 1552 г. Казань была взята штурмом царскими войсками, хан Едигер попал в плен, и с этого момента начал действовать специфический русский метод экспансии, изобретателем и первопроходцем которого следует считать Ивана Грозного.

Классик отечественной истории С.М. Соловьёв поэтично описывает значение присоединения Казани к Русскому государству: «До тех пор, пока существовала Казань, до тех пор дальнейшее движение русской колонизации на восток по Волге, наступательное движение Европы на Азию было невозможно. Страшное ожесточение, с каким татары, эти жители степей и кибиток, способные к нападению, но не способные к защите, защищали, однако, Казань, это страшное ожесточение заслуживает внимания историка: здесь Средняя Азия под знаменем Магомета билась за своей последний оплот против Европы, шедшей под христианским знаменем государя московского. Пала Казань, и вся Волга стала рекой Московского государства; завоевание Астрахани было скорым, неминуемым следствием завоевания Казани» [10, с. 236]. Татарский город Хаджи-Тархан действительно был практически бескровно захвачен в 1556 г. после неудачной попытки

утвердить на его престоле лояльного Москве хана, и с этого момента можно говорить о русском городе Астрахани [3, с. 169].

Но после этих блистательных военных успехов обозначился неизбежный вопрос: как управлять захваченными территориями? Ни у Русского царства, ни у современных ему европейских королевств попросту не было опыта подобных аннексий. Гипотетически можно было попробовать создать на захваченных территориях марионеточные княжества, но Иван Грозный пошёл более сложным, хотя и более надёжным путём формирования русской администрации, подконтрольной московскому престолу без посредников-вассалов. Объявив себя «царём Казанским и Астраханским», московский самодержец учредил для управления новыми владениями Казанский приказ (аналог современного министерства), таким образом прямо подчинив нерусские земли и народы русской короне. Отечественный исследователь Д.М. Макаров так описывает административный порядок, установленный в бывшем Казанском ханстве: «Установленная Москвой после падения Казани новая власть по своему характеру была военно-полицейской, а по форме – наместнической. Первым казанским наместником был князь Александр Борисович Горбатый-Суздальский (Шуйский), при нём воеводой – князь Василий Семёнович Оболенский-Серебряный; первым свияжским наместником – князь Пётр Иванович Шуйский, при нём воеводой – Борис Салтыков. Военно-полицейская сила состояла из дворян царских, детей боярских (дворян провинциальных), стрельцов и казаков, общая численность которых в Казани превышала 600 чел., в Свияжске – 400 чел. Наместники и волостели были полновластными управителями на местах, пользовались административными, военными и судебными полномочиями» [7, с. 14–15]. В 1556 г. на церковном Соборе было принято решение об открытии Казанской епархии, а её первому архиепископу – святителю Гурию (Руготину) – была поставлена задача всемерно способствовать христианизации языческого и мусульманского населения Поволжья. Аналогичный порядок установился и в Астрахани, где в 1602 г. архиепископом Феодосием (Харитоновым) была учреждена Астраханская епархия. Однако дальнейшие пути православной духовной экспансии в Среднем и Нижнем Поволжье оказались различны.

Религиозная политика России в Нижнем Поволжье

Религиозная политика проводилась русской короной в Астрахани с учётом местной специфики, которая мало отличалась от аналогичных особенностей любых других торговых многонациональных городов. Удобное географическое положение сделало Астрахань для России воротами в Персию, а для Персии – входом в Россию. Торговый договор между московским царём Фёдором Иоанновичем и персидским шахом Аббасом не замедлил последовать в 1589 г. [6, с. 281]. Это означало, что в Астрахани неминуемо появятся конторы и лавки восточных купцов из Гиляна и Мазендарана, к которым вскоре присоединились бухарцы, армяне и даже индийцы. Это не

значит, будто православие не смогло здесь утвердиться. Ещё в 1568 г. в Астрахань была прислана икона Сретения Богоматери Владимирской, для которой воевода Иван Черемисинов построил церковь в местном кремле [3, с. 196]. Вскоре появился и Троицкий монастырь, первый игумен которого, архимандрит Кирилл, почитается святым в лике преподобного. Однако берега нижнего течения Волги не были густо населены, и Церковь могла бы вести миссионерскую работу только среди посещавших эти края немногочисленных кочевников, если бы сочла поиск прозелитов среди них необходимым. Зато севернее Астрахани нашли приют многочисленные казачьи ватаги, представлявшие для администрации проблему гораздо более серьёзную, чем соседство со степью. По мнению отечественного историка М.А. Кирокосьяна, именно для контроля над казачьей навигацией были построены такие крепости, как Царицын, Чёрный Яр, Саратов и Красный Яр [6, с. 305]. Астраханских воевод беспокоила вовсе не христианизация номадов, практически не влиявших на волжскую торговлю, а обеспечение безопасности купцов-мусульман, нередко подвергавшихся казачьим нападениям на Волге и в Каспийском море. Более того, неосмотрительная попытка астраханских воевод в 1560-е гг. препятствовать хаджу среднеазиатских паломников опосредованно привела к первому вооружённому конфликту с Османской империей, начавшему эпоху противостояния двух государств и продолжавшемуся несколько столетий. Поэтому православие в Астрахани оставалось религией русского большинства, но местное начальство не пыталось притеснять иные верования, хорошо понимая финансовую и политическую выгоду от присутствия в городе иностранных и иноверческих торговых общин. Британский историк Дж. Хартли красноречиво описывает жизнь Астрахани в начале XVIII в.: «Разные национальности жили в разных частях города, хотя торговля велась на всех языках сразу. Астрахань была разделена на национальные кварталы: в одном жили татары и индийцы, в другом персы и некоторые татары, в третьем выходцы из Средней Азии. Помимо мечетей, в городе были армянские церкви и даже индуистский храм» [11, с. 283].

Возникает вопрос: почему в том же XVI в., когда русские осваивали дельту Волги, демонстрируя религиозную терпимость, противоположным путём пошли испанцы, старавшиеся стереть всякий след мусульманского влияния в таких недавно захваченных приморских городах, как Гранада и Малага? Вероятно, причина столь различного отношения к иноверцам прагматична: для России Астрахань стала важным пунктом торговли с Востоком, т. е. её культурная пестрота сулила высокие прибыли. Испания же в ту же самую эпоху открыла для себя мексиканское золото и перуанское серебро, что сделало для неё торговлю с мусульманскими странами практически излишней. Карл V потому открыто позиционировал себя как врага ислама, что не был заинтересован в сотрудничестве с мусульманами, в отличие от русских царей Ивана IV и Фёдора Иоанновича.

Религиозная политика России в Среднем Поволжье

Иным путём развивался межкультурный диалог христиан, мусульман и язычников (русских, татар и чувашей) в Среднем Поволжье. В 1550-е – 1560-е гг. основываются Зилантов монастырь в Казани, Успенско-Богородицкий монастырь в Свияжске и Троицкий монастырь в Чебоксарах. Эти события неминуемо привели к серьёзному конфликту с оседлым местным населением, поскольку монастыри были крупными земельными собственниками. Одно за другим вспыхнули несколько восстаний, во время которых Троицкий монастырь подвергся нападению, а три его игумена были убиты один за другим [7, с. 78]. Но весьма любопытен тот факт, что большинство татарских аристократов в этих волнениях не участвовали. И причиной такой их лояльности правительству был вовсе не страх наказания, а продуманная политика, проводимая по отношению к ним русской короной задолго до взятия Казани. Дело в том, что великие князья московские признавали благородный статус татарских мурз, приравнивая их к русской служилой аристократии. То есть после присоединения Казанского ханства к Московскому царству бывшие ханские военачальники и землевладельцы вовсе не были превращены в простолюдинов. Их привилегии, конечно, подверглись пересмотру, но любой татарский мурза независимо от своего вероисповедания приравнивался к «сыну боярскому» или дворянину. Поэтому даже помнившим независимую Казань местным аристократам было что терять от конфликта с короной, и они предпочли не обострять обстановку. Если сравнивать Россию рубежа XVI–XVII вв. с Испанией той же эпохи, то можно лишь удивиться дальновидности московских правителей, потому что их пиренейские коллеги, наоборот, приняли закон о «чистоте крови», согласно которому даже христианин, имевший в числе своих предков арабов или берберов, не мог быть допущен к целому ряду должностей и привилегий [1, с. 522]. Вероятно, пиренейские мусульмане потому так и противились христианизации, что принятие католицизма ничего им в социальном плане не давало. И наоборот, в Поволжье никто не принуждал татарских мурз переходить в православие, но они сохраняли подобающее их статусу уважение и имели доступ к государственной службе. По крайней мере, в военных походах царских войск и дипломатических миссиях русских послов татары участвовали в качестве разведчиков и переводчиков.

Однако в долговременной перспективе такое положение дел привело бы к формированию двух аристократий – православной и мусульманской, что вполне могло окончиться конфликтом между ними. По этой причине в начале XVII в. были приняты меры, исподволь подтолкнувшие татарских аристократов к христианизации, хотя и не принуждавшие их к этому: в 1628 г. царь Михаил Фёдорович запретил иноверцам владеть крепостными христианского вероисповедания [7, с. 75]. Служилый дворянин-мусульманин получал денежное и хлебное жалование, мог получить и землю, но без крестьян. Превращать же татарских земледельцев в крепостных он не стал бы и сам, потому что по нормам шариата мусульманин не может быть

работ. Русское правительство знало об этой тонкости мусульманских социальных отношений и относило татарских крестьян к государственным, т. е. взимало с них оброк, но не обязывало их служить помещикам. Таким образом, если татарский аристократ хотел войти в ряды привилегированных землевладельцев, как его русские товарищи по оружию, то ему приходилось принять православие. Как показывает историческая практика, этим путём последовало большинство мурз. В частности, они стали основателями таких российских дворянских династий, как Юсуповы, Урусовы и Тевкелевы.

Что же касается татарского простолюда, то оно неоднократно участвовало в антицерковных и антигосударственных волнениях, но движущими мотивами татар были те же протесты против помещичьего и церковного землевладения, которыми вдохновлялись современные им бунтари русского происхождения. Со своей стороны, Церковь прилагала множество усилий для того, чтобы привлечь поволжских туземцев в ряды своей паствы. В частности, принимавшим крещение татарам, чувашам и марийцам преподносились подарки, а главное – клирики добивались для них освобождения от податей на несколько лет и отстаивали права неофитов в спорах с чиновниками. Поэтому среди туземцев и в XVI, и в XVII, и в XVIII в. находились желающие поддерживать межкультурный диалог с православием. Правда, результаты христианизации поволжских мусульман и политеистов оказались различны. Язычники чуваша и марийцы под влиянием миссионеров довольно быстро превратились в двоеверцев по той же самой схеме, которая всегда действует при контактах политеизма с христианством. Историк С.А. Романова так описывает сложившиеся «русско-марийские» верования: «Православные святые были не только поставлены в один ряд с языческими божествами, но и приобрели их черты. Так, Николай Чудотворец и Казанская Божья мать до такой степени уподобились марийским богам, что получили, подобно последним, и прислужников. А образ христианской Богородицы вообще слился с языческой богиней плодородия Шочин ава юмо. Православные святые, вытесняя языческих богов и духов, начинают выполнять и их функции. Так, Николай Чудотворец, слившись в представлении марийцев с образом небесного бога, стал выполнять функции покровителя семьи, хранителя от несчастных случаев» [9, с. 47]. Гораздо медленнее происходил рост численности христианских прозелитов среди татар-мусульман, хотя этот процесс, в общем и целом, имел место. Так, татарский историк Д.М. Исхаков отмечает, что к началу XVIII в. крещёных татар насчитывалось около 17 тыс. человек [5, с. 114]. В дальнейшем число татарских христиан увеличивалось медленно, но в наши дни они не только существуют, но и составляют особую этноконфессиональную группу, именуемую «кряшены» (т. е. «крещёные»). Для поддержания кряшен Казанская епархия не жалела средств. Например, в первой половине XVIII в. архиепископ Лука (Конашевич) специально для детей православных татар открыл начальную школу, получившую название Новокрещенской.

Однако главным достижением русской экспансии в Среднем Поволжье следует считать налаживание взаимовыгодного взаимодействия с теми татарами, которые пожелали остаться мусульманами. Так, в открывшейся во второй половине XVIII в. казанской гимназии преподавался татарский язык, что автоматически ввело в штат учителей образованного мусульманина Сагита Хальфина, в 1778 г. издавшего «Азбуку татарского языка». Символично, что во время осады Казани Е.И. Пугачёвым в 1774 г. гимназисты как русской, так и татарской национальностей участвовали в обороне города от повстанцев, т. е. образованные казанцы имели сходные взгляды на жизнь. К началу XIX в. мусульманская община Казани считалась полноправной частью городского населения и, со своей стороны, не вынашивала никаких антигосударственных замыслов. Иначе и быть не могло, потому что потомки ханских мурз, которые гипотетически могли бы мечтать об историческом реванше, ещё в XVII в. приняли православие и превратились в российских дворян. Поэтому замышлять отделение Среднего Поволжья от России и строить планы реставрации Казанского ханства к началу XIX в. стало попросту некому.

Заключение

В данной работе мы кратко рассмотрели духовную и политическую экспансию православного русского общества в таком мусульманском регионе, как Среднее и Нижнее Поволжье, на протяжении XVI–XVII вв. Какие особенности данного процесса мы могли бы выделить?

Во-первых, христианизация проводилась совместными усилиями Церкви и государства, поэтому в ней учитывались социальные и политические реалии. Это фактор придал процессу гибкость, которой не было в западноевропейских аналогах. Так, поощрения для принявших православие татар и марийцев не сопровождалось репрессиями в адрес туземцев, оставшихся верными прежней вере. Не в последнюю очередь благодаря такой умеренности удалось избежать проявлений фанатизма со стороны всех участников межкультурного взаимодействия.

Во-вторых, характер христианизации Среднего и Нижнего Поволжья различался. Если в землях бывшего Казанского ханства Церковь активно искала прозелитов среди представителей неславянских народов, то в Астрахани православие стало религией только русских переселенцев. Понимание региональной специфики позволило российскому правительству выбрать стиль межкультурного диалога, наиболее подходящий для всех участников. То есть русская духовная экспансия в Поволжье предполагала именно диалог с туземным населением, а не его русификацию и ассимиляцию.

Остаётся немаловажным вопрос, почему данный алгоритм показал свою эффективность в Поволжье, однако не привёл к таким же впечатляющим результатам на Северном Кавказе и в Средней Азии. Но эта проблема должна стать темой для отдельного исследования.

Список литературы

1. Альтамира-и-Кревеа Р. История средневековой Испании. СПб.: Евразия, 2003. 608 с.
2. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М.: Богородский печатник, 1998. 368 с.
3. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2004. 303 с.
4. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.). Очерки. М.: Рудомино, 2004. 216 с.
5. Исхаков Д.М. Кряшены (историко-этнографический очерк) // Татарская нация: история и современность. Казань: Магариф, 2002. С. 108–125.
6. Кирокосьян М.А. Русский флаг на Каспии. Два столетия Каспийской флотилии (середина XVII – середина XIX века). Пираты Каспийского моря. М.: Кучково поле, 2013. 416 с.
7. Макаров Д.М. Самодержавие и христианизация народов Поволжья во второй половине XVI – XVII вв.: уч. пособие. Чебоксары: Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, 1981. 101 с.
8. Максим Грек, прп. Того же инока Максима Слово облечительно на агарянскую прелесть и умыслившего ея скверного пса Моамефа / Прп. Максим Грек. Сочинения: в 2 т. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. Т. 2. С. 95–116.
9. Романова С.А. Особенности формирования православно-языческого синкретизма мари (XVI–XIX века) // История христианизации народов Среднего Поволжья. Критические суждения и оценки: межвузовский сборник научных трудов. Чебоксары: Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, 1988. С. 42–48.
10. Соловьёв С.М. Об истории Древней России. М.: Просвещение, 1992. 544 с.
11. Хартли Дж. Волга. История главной реки России. М.: Эксмо, 2024. 560 с.

DIALOGUE OF CULTURES: TRADITIONS OF ORTHODOXY AND ISLAM IN THE RUSSIAN VOLGA REGION XVI-XVII CENTURIES

S.I. Sulimov

Voronezh State University, Voronezh

This work examines the specifics of Russian penetration into the Middle and Lower Volga in the 16th-17th centuries, accompanied by attempts to Christianize the region. Local peoples practiced polytheism and Islam, and each of these religions interacted with Orthodoxy in an original way. The author focuses on the spiritual features of the Russian development of the Volga region and intercultural contacts of Christians with Muslims, but recognizes that European civilization represented by Spain also has experience of such interaction.

Keywords: *intercultural interactions, expansion, proselytism, Christianity, Islam.*

Об авторе:

СУЛИМОВ Станислав Игоревич – д-р филос. н., доцент, доцент кафедры истории философии и культуры, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж. E-mail: sta-sulimov@ya.ru

Об авторе:

SULIMOV Stanislav Igorevich – PhD (Philosophy), associate-professor, associate-professor of the Department of History of Philosophy and Culture of Voronezh State University, Voronezh. E-mail: sta-sulimov@ya.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.04.2025.

Дата принятия рукописи в печать: 20.05.2025.